

прежде всего благородное сердце, искавшее средств пособить первым, неотложным нуждам развития, еще вовсе и не начавшегося для массы его соотечественников, и затем все то же искание полноты идеального и реального типа для жизни и мысли. Сзади этой предполагаемой литературной деятельности ему открывалось еще все громадное поле европейской цивилизации с его обработкой, с его приобретениями, сделанными в течение стольких веков! С него он и глаз не спускал. Ни одного из всех опытов — старых и новых, приложенных к нему, ни одного счастливого результата, ими уже данного, — не хотела бы лишиться эта страстная душа! Конечная цель всех его требований и указаний заключалась в том, чтоб выработать из русской жизни полного работника просвещения, чтобы наделить ее всеми теми силами и воспитательными началами, которые образовали в Европе лучших и надежных ее работников. Не нужно, кажется, прибавлять, что все эти дальновидные расчеты оказались на деле мечтой; но тот еще не будет в состоянии правильно судить об эпохе Белинского, кто не поймет и не признает, что все мечтания и фантазии подобного рода были в то время положительным и весьма серьезным делом.

<...>

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

<Фрагмент незавершенной книги о И. С. Тургеневе>

Русская литература, находившаяся тогда в периоде становления — все, написанное до Пушкина, за исключением, пожалуй, одной только комедии Фонвизина, имеет лишь цену исторических документов, — эта молодая литература получила, к счастью, замечательного критика Белинского, который так же велик в своей области, как Пушкин в своей. В Западной Европе о нем не слышали, да, пожалуй, и не услышат. Даже в России, где его имя — одно из самых славных, широкая публика его уже не читает. Творчество критика, как и всякого крупного публициста, обычно исчерпывается и поглощается его современниками целиком. Его влияние по-

добно воздействию дождя, который, впитавшись в почву, вызывает к жизни новые побеги, но не образует вечно текущих рек. При всем том влияние Белинского на современников — да и на последующее поколение — было огромно.

Художественного критика часто недооценивают, считают его деятельность как бы второразрядной. Может быть, это отчасти происходит потому, что каждый человек, обладающий литературным вкусом, является в какой-то мере художественным критиком, так же как каждый, кто может увлечь ребенка сказкой или живо описать характер, пейзаж, является в какой-то мере писателем. Между тем глубочайшее постижение красоты встречается столь же редко, как высочайшая способность к творчеству. Великих критиков так же мало, как великих поэтов и прозаиков, — еще меньше, пожалуй, в России, где литературный вкус сравнительно высок, на полдесятка великих поэтов, романистов, драматургов и сатириков приходится только один великий критик — Белинский. <...> Белинский был передовым мыслителем, блестящим, огненным публицистом и в то же время художественным критиком, обладающим настоящим художественным чутьем. Проницательность его представляется чуть ли не сверхъестественной. Прочитав первое юношеское произведение Достоевского, он не только приветствовал его как великого писателя, но пророчески предсказал всю его литературную судьбу. Так же он сразу определил возможности одного второстепенного писателя, Григоровича, указав новый тип произведений, которым тот обогатит русскую литературу. Прочитав первые стихи Лермонтова, напечатанные анонимно в незначительном журнале, Белинский объявил его великим поэтом, будущей славой земли русской.

Эстетическое чутье Белинского было безошибочно. Навряд ли найдется хоть одно его суждение, которое не было бы принято и подтверждено потомством, а если между Белинским и современными критиками обнаруживаются расхождения, то всякий непредубежденный судья станет на сторону того, кто наблюдал первые шаги писателей, а не на сторону его новейших противников, которые имеют возможность судить этих писателей на основании всего их творческого пути.

Невозможно переоценить услуги, оказанные Белинским русской литературе в тот ранний период ее становления, когда и писатели и читатели одинаково нуждались в твердом советчике и руководителе, способном указать правильный путь и предостеречь от опасностей.

Это Белинский истребил старую напыщенную, подражательную школу лжеискусства. Это он истолковал творчество Пушкина и Гоголя, обеспечив победу их направлений и облегчив первые шаги их последователям.

Развитие русской литературы по тому пути, по которому оно пошло, было неизбежно, потому что только этот путь отвечал национальному духу русского народа. Но навряд ли это развитие совершилось бы так быстро и уверенно без могучей помощи великого критика.

Когда Тургенев вступал на литературное поприще, Белинский был в апогее своей славы и расцвете сил. С бьющимся сердцем принес молодой автор экземпляр только что вышедшей своей поэмы на квартиру Белинского, оставил его слуге, отворившему дверь, и уехал затем к себе в Спасское — ожидать отзыва Белинского. Этот отзыв, появившийся в майской (1843 г.) книжке «Отечественных записок», может служить еще одним примером проницательности критика. Как всегда с начинающими писателями, в которых он признавал талант, Белинский был очень снисходителен, но не перехвалил Тургенева. Он достаточно ясно дал понять, что это поэт не первого ранга, отметил подражание Пушкину и особенно — Лермонтову, но подражание исторически оправданное, а не рабское. Ведь только совершенно лишенные дарования люди впадают в холодное и бездушное подражательство, а критик обнаружил у молодого автора «необыкновенный поэтический талант», верную наблюдательность, глубокую мысль, выхваченную из тайника русского сознания, глубокое чувство действительности — качества, показывающего в авторе сына своего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его.

В прозе Тургенева все эти качества действительно выступают ярко, но поразительно, что великий критик сумел обнаружить их и в другой форме, чуждой истинному призванию писателя.

Этот отзыв Белинского, говорит Тургенев, определил его судьбу, дал ему мужество возвратиться к литературным занятиям.

<...>

